

Бланка Лакаса Карралон

Ужасные дочери

УДК 159.922 + 316.663

ББК 88.576.5

K26

Blanca Lacasa Carralón

«Las hijas horribles»

Перевод с испанского Анны Шарафеевой

This book was originally published in Spanish by Libros del KO SLL.
This edition published by arrangement with Oh!Books Literary Agency
and Synopsis Literary Agency.

Карралон Б. Л.

K26 Ужасные дочери / Бланка Лакаса Карралон ; [пер. с исп. А. Шарафеевой]. — М. : КоЛибри : Издательство АЗБУКА, 2026. — 256 с. — (Популярная психология для бизнеса и жизни).

ISBN 978-5-389-29479-0

Почему связь между матерью и дочерью считается самой сложной и противоречивой в нашей культуре? Откуда берется чувство вины, вечного долга и невысказанного гнева, которое знакомо тысячам женщин по всему миру?

Журналистка Бланка Лакаса Карралон, вдохновленная шокирующим сходством собственного опыта с историями подруг, решила нарушить главное семейное табу — закон молчания.

«Ужасные дочери» — это не просто сборник личных свидетельств. Это глубокое исследование механизмов, превращающих любовь в зависимость, а заботу — в пожизненное обязательство. Опираясь на интервью с психологами, социологами и историками, а также на примеры из мирового кинематографа и литературы, Карралон препарировывает мифы о «святом материнстве» и показывает, как культура создает ярлыки «плохой дочери» и «токсичной матери».

Эта книга — попытка выйти из порочного круга обвинений и социальных ожиданий, увидеть за фигурой матери обычную женщину и, наконец, обрести право на собственную, отдельную жизнь.

УДК 159.922 + 316.663

ББК 88.576.5

ISBN 978-5-389-29479-0

© Blanca Lacasa Carralón, 2024

© Шарафеева А. М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

НАМЕРЕНИЯ

Когда я прочла «Жестокие привязанности» Вивиан Горник¹ [1], то была потрясена вопиющим сходством описанной там матери с моей собственной. И матерями моих подруг и других знакомых женщин. Одинаковые фразы, одни и те же ситуации, до мелочей схожие разногласия и странная, липкая, до тревоги знакомая боль. Как такое возможно? Как так вышло, что жительница Нью-Йорка, женщина на несколько десятков лет старше меня, еврейка, писательница, с которой меня объединяет лишь профессия, рассказала не только историю моих отношений с мамой, но и историю таких отношений всех женщин моего круга?

Как-то вечером, вскоре после прочтения книги, я встретилась с двумя почти неизвестными мне женщинами. В какой-то момент разговор зашел о матерях. Мы едва друг друга знали, и все же, как только всплыла ТА САМАЯ ТЕМА, казалось, все это время мы только

¹ Американская феминистка, критик, журналистка. В мемуарах «Жестокие привязанности» Горник рассказывает о том, как на протяжении всей жизни боролась со своей матерью за свободу. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

и ждали предложения, чтобы поговорить о том, что уже давно нас беспокоило. Сначала, как я потом замечала, в наших голосах сквозили вина, нерешительность и стыд. Но как только барьер был сломлен, нас уже было не остановить. Потребность разделить с другими горе, вину, угрызения совести и вечный долг оказалась клеем, который был сильнее любого стыда. Появилось непреодолимое желание обнародовать тайну — нарушить закон молчания, так строго соблюдаемый в институте семьи.

Несколько лет спустя я встретила одну из своих лучших подруг времен моего одинокого детства. Мы не виделись несколько десятилетий. Целую жизнь. И тем не менее три четверти нашей беседы — после той ненавистой мне части, когда нужно вкратце рассказать о том, что за эти годы произошло в твоей жизни, — вращались вокруг наших матерей. «Как это возможно?» — удивленно спрашивала меня подруга. Мы обе были уверены, что в случае мужчин подобного не происходило или, по крайней мере, случалось не так часто. Хотя, как ни странно, у некоторых мужчин, с кем я общалась, пока писала эту книгу, отношения с матерями были похожи на те, что будут описаны на следующих страницах. Но, кажется, мне удалось обнаружить один важный отличительный нюанс: в рассказах сыновей материнское поведение и правда в какой-то степени похоже на то, с чем сталкивались некоторые из опрошенных мною дочерей, но реакция мужчин в таких случаях сильно отличалась от нашей. Они по-другому проживали этот опыт, более отстраненно и менее напряженно. Словно чувствовали: определенные материнские требования не были адресованы исключительно им. Словно имели больше свободы и возможностей уклониться от чрезмерных требований, больше свободы для демонстрации гнева. Или словно (да ладно!) они не были воспитаны в рамках традиции, где забота является сугубо женским делом.

В один дождливый день я сидела в гостях у подруги, и мы с изумлением наблюдали, как в реалити-шоу Тамары Фалько¹, и без того обескураживающем, невозмутимая Изабель Прейслер демонстрировала весь набор упреков, который матери обычно адресуют своим детям. Изабель вскидывала бровь, не скрывая свое недоверие в отношении планов своей сорокалетней *девочки*, в обманчиво-шутливом тоне ТРЕБОВАЛА, чтобы дочь вернулась домой С НЕЙ, и спокойно наблюдала, как Фалько отчаянно (с едва скрываемым страхом) добивалась мифического одобрения матери, которой явно невозможно угодить. И это поистине жалкое зрелище, потому что со стороны прекрасно видно, какую хитрую игру ведет Прейслер.

Длинные, расплзающиеся повсюду тени. Во многих случаях фигура матери в отношениях с дочерью являет собой мучительную загадку, которую приходится разгадывать. Что за странные силы подпитывают это неразрешимое напряжение, царящее в совершенно разных семьях? Неужели все матери одинаковы? А мы, дочери, тоже похожи между собой? Почему отцовская фигура, зачастую *отсутствующая* в жизни ребенка, тем не менее свободнее в своих рамках, размытее, гораздо разнообразнее, не так регламентирована и, что самое главное, не вызывает столько травм и тревоги?

Почему связь между матерью и дочерью считается самой сложной из всех существующих в нашем патриархальном обществе? Это не простая случайность, нет. И уж тем более не случайно возникновение архетипа невротичной матери, созданной на конвейере, вместе с ее проблемной дочерью, вероятно, также выпускаемой

¹ Испанская аристократка, светская львица и телеведущая. Дочь Карлоса Фалько, пятого маркиза де Гриньона, и Изабель Прейслер (первой жены Хулио Иглесиаса и матери Энрике Иглесиаса).

серийно. Или это все же простое совпадение? Возможно, стоит выяснить по крайней мере некоторые причины существования целой армии матерей и дочерей, удивительным образом схожих по природным, историческим, социологическим, антропологическим, культурным, психологическим и любым другим признакам. Именно эти факторы и формируют умы, тела и все остальное в пользу идеально отлаженного механизма, который, кажется, не подвержен запрограммированному износу.

Потому что из болезненного, вызывающего клаустрофобию стереотипа плохой матери рождается не менее парализующий и негативный стереотип ужасной дочери. Конструкты, продолжающие работать без перебоя благодаря закону молчания, основанному на чувстве вины. Если женщина, признающая, что не была в полной мере готова к материнству, испытывает страх (именно об этом социолог и писатель Орна Донат рассказывает в своей книге «Сожалея о материнстве» [2] — ужасающее описание не столь желанного, долгожданного или, по крайней мере, не совсем обдуманного материнства), то еще хуже — девочке, чувствующей себя плохой дочерью. Дочь неблагодарной, недобросовестной, непризнательной. Эгоистичной, забывчивой и безжалостной. Дочь, которая разочаровывает, обманывает и причиняет боль. Дочь-бунтаркой.

Нам запрещено сомневаться в матерях. Наш долг и спасение — уважать их, идеализировать и всегда за все благодарить. Следовательно, как мы можем решиться и высказать вслух свое недовольство? Как мы только смеем общаться на эту тему *sotto voce*¹ с самыми близкими подругами? Как мы только решаемся прошептать на терапии, что да, возможно, у нас есть проблемы с матерью? Как мы осмеливаемся нарушить навязанное

¹ Тихо, вполголоса (*итал.*).

молчание, то самое, которое заставляло их, наших матерей, замалчивать болезненные домашние ситуации? Как можно нарушать божественную заповедь, говорящую о почитании своих родителей?

Невероятной силы гнев, который некоторые из нас, дочерей, держат в себе, никуда не уходит. Произвольная злость, которая в то же время может быть вполне обоснованной. Невозможный для поддержания баланс, не позволяющий решить проблему. Этот гнев, как и всякий другой, абсолютно неэффективен, парализует и выбивает из колеи. И более того, в данном конкретном случае он опутывает нас, дурманит, из-за чего мы оказываемся в незавидном положении женщины, которая ощущает себя лишь разгневанной дочерью, обремененной ответственностью и чувством вины. Мы должны решить, что делать с этим неизбежным наследием и гигантской тенью, проецируемой на нашу жизнь. Должны понять, как с ней взаимодействовать.

Недаром это удивительное хитросплетение является одной из самых распространенных причин обращения к психологу. Эта глубокая рана настолько социально стигматизирована, что для многих женщин до сих пор остается нерушимым табу. Табу, свойственным слишком многим из нас, что, в свою очередь, обеспечивает его процветание. Нет ничего эффективнее, чем замалчивание: именно из-за него мы находимся в полной уверенности, что подобные вещи происходят лишь с нами. А раз это так, значит, мы странные, неидеальные и дефектные, и нам необходимо держать все свои чувства в секрете как от близких, так и от незнакомцев. Ничто не сковывает так, как необходимость хранить тайну для дальнейшей подпитки бесполезного гнева, ничто не создает такого ощущения, что проблема сугубо индивидуальна и принадлежит лишь нам или нашим матерям. Но она никогда, ни в коем случае не является проблемой системы, той самой, что подготовила

благоприятную почву для ее взращивания и поддерживает данный порядок на протяжении десятилетий. Удивительно, что хоть некоторые тезисы философа Симоны де Бовуар, к счастью, на сегодняшний день устарели, но тревога, лежащая в основе отношений матери и дочери, все-таки не так сильно отличается от описанного в книге «Второй пол» [3].

Система настолько деконтекстуализировала материнство, что превратила его в божественную миссию, а значит, в миссию неосуществимую. Словно матери — высшие существа, чуждые всему, что их окружает. При таком раскладе сложно не развить целый комплекс проблем — от чувства вины до разочарования, через страх, гнев, обиду, неумолимую требовательность к себе и всевозможные нездоровые привязанности. Последствия этих явлений, как мы увидим на протяжении всей книги, особенно сильно отражаются на дочерях. Впрочем, как уже было сказано выше, подобная динамика характерна и для многих других семейных отношений, и об этом не стоит забывать. Не составит особого труда отыскать схожие модели поведения между отцами и сыновьями и особенно между сыновьями и матерями. Примером этого может послужить опустошающая книга «Мама» Луиса Антонио де Вильены [4], являющаяся собой своего рода восторженную молитву к умершей матери. Сам автор определяет книгу как «тяжелое воспоминание о ни с чем не сравнимой ужасной любви, которая оставила — и продолжает оставлять — след на всей моей жизни»¹. Да, на следующих страницах мы сконцентрируемся на отношениях матерей и дочерей, но наверняка найдутся те, кто увидит в них отражение собственного опыта, пусть даже он и не вписывается в эту бинарную структуру. Такие прочтения приветствуются. Приветствуются все без исключения.

¹ *Здесь и далее перевод Анны Шарафеевой, если не сказано иное.*

Тем не менее нельзя отрицать, что фигуры матери и дочери окутаны каким-то странным фанатизмом, диктующим, какими они должны быть, что должны из себя представлять и как должна развиваться их связь. Иконография, с блеском разработанная мужчинами для женщин и прекрасно подкрепляемая, как мы увидим далее, такими непревзойденными средствами, как кинематограф.

Этому стереотипному видению противостоит вербальная история — наша. И эта книга была написана в попытке преобразовать устную традицию в письменную посредством слушания, наблюдения и отслеживания невидимых нитей, связывающих вместе все эти истории. В дополнение к устной истории на следующих страницах собраны свидетельства некоторых дочерей. Все они анонимны (имена были изменены, любые чрезмерно личные или конкретные детали — опущены), что позволяет усилить дух архетипа, лежащего в основе каждого из этих голосов. Разве не правильнее было бы поговорить с нами, дочерьми, и попытаться прояснить эту неразбериху? Дать нам шанс выговориться? Не эффективнее ли для исследования обратиться к самому источнику? Дать пространство, в котором мы так часто себе отказывали из-за страха, стыда или вины? Разве не смело рассказать обо всем в безопасной обстановке, где никто не будет тебя осуждать?

В этой книге есть дочери, которые поделились тем, что знают лишь их психологи; дочери, которые плакали, вспоминая или рассказывая свои истории вслух; дочери, которые почти впервые осмелились озвучить то, что в какой-то момент стало для них мучительно неприятно. И все же они проявили эту храбрость. Каждая поделилась собственной историей. Разной в деталях, происхождении, микроконтекстах, поколениях. Но, как ни странно, во всех этих свидетельствах повторялись одни и те же фразы, одни и те же идеи

и эмоции. Почти взаимозаменяемые. Пугающе взаимозаменяемые.

И вновь мы сталкиваемся с подозрительным параллелизмом. К счастью, будет много, очень много дочерей и матерей, которые избегнут этого паттерна, упрощенного и обобщенного, как и любая другая схема. Я не пытаюсь привести все к общему знаменателю (даже если он и существует) или создать окончательную определяющую типологию того, как работает привязанность между матерями и дочерьми. Я просто пытаюсь показать, откуда берутся все эти повсеместно распространенные закономерности, эти обобщенные модели поведения. Только через понимание утихает боль и появляется возможность примирения. И вероятно, если перестанем бороться друг с другом и объединим силы для решения системной проблемы, мы сможем избежать бесплодного противостояния.

Почему считается, что связь матери и дочери не только нерушима, но, что еще хуже, незыблема? Почему нам так трудно разорвать пуповину? Почему им так сложно перестать быть матерями маленьких девочек? Неужели этот союз настолько примитивен, неужели в нем так много животного? Почему так сложно развить эту связь и выйти на другой уровень, более здоровый, более легкий, менее напряженный и в итоге более взрослый?

Эта книга — попытка объяснить и объясниться, понять и признать себя, вписаться в рамки. А также, возможно, принять и отречься от чего-то. Как и в случае практически любой другой проблемы, лишь путем контекстуализации, избавления от ожиданий (тех, что на самом деле далеки от наших собственных), ставя под сомнения — практически все — и прорываясь сквозь слои укоренившихся стереотипов, мы сможем сосуществовать. Выявляя скрытые причины и изгоняя унаследованных демонов. И делать это исходя из нашего положения

дочерей и ради него. Возможно, наконец пришло время отказаться от противостояния «мать — дочь» и выйти за его рамки, добраться до сути. Как только поймем работу этих механизмов, мы сможем перестать фокусироваться на матерях и отойти от патриархальной привычки судить и подвергать сомнению действия женщин. Они сделали все, что могли и как могли.

Возможно, единственный способ понять происходящее — это рассмотреть материнство наших предков в их историческом и социальном контексте. А также признать, нравится нам это или нет, что мы, вероятно, тоже были частью проблемы, когда смотрели на них не под тем углом. Чтобы понять самих себя и разобраться в этом хаосе, нет иного выбора, кроме как поговорить о них, перестать считать чем-то совершенным, переосмыслить их роль и только потом посмотреть на себя по-новому. Прежде всего, необходимо поговорить об истории наших матерей, а иначе мы так и останемся в той же ловушке инертной динамики, подпитывая гнев, постоянно жалуясь и оставаясь на своем квадратном метре недовольства. Возможно, настало время отбросить в сторону подавляющие эмоции, которые так сильно нас тяготят, дистанцироваться, чтобы лучше сосредоточиться, и отказаться от неизбежного, но подчас предательского эгоцентризма. Только когда выберемся из бурных вод нашей субъективности, в которых так часто тонем, появится возможность разобраться со всем беспорядком. Если не раз и навсегда, то хотя бы так, чтобы немного отдалиться от эпицентра боли. Пусть даже для того, чтобы просто вдохнуть немного свежего воздуха.

Голоса некоторых экспертов, опрошенных для этой книги, помогли с теоретическим фундаментом. Философ и писательница Каролина дель Ольмо, социолог Марта Домингес-Фольгерас, клинический психолог и директор центра «Менсалу» Лусия Фернандес Пейно, детский и перинатальный психиатр Ибоне Ольса,

Ужасные дочери

историк Матильда Пейнадо и политолог, специалист по гендерному равенству Присцилла Ретамосо взяли на себя задачу развеять сомнения относительно культурного, исторического, социологического и психологического контекстов, связанных с множеством появляющихся у нас вопросов.

Вполне возможно, последующие страницы вызовут больше вопросов, чем ответов. Путь каждого человека, без сомнения, уникален. Один из отрезков моего собственного пути сейчас подходит к концу. Это было напряженное, волнительное, изнурительное, болезненное, но, прежде всего, ценное путешествие.

СЛОВО

Абсолютно невидимый, злосчастный термин *hijidad*¹ так и не был включен в словарь Королевской академии испанского языка. Наиболее близким к нему по значению является слово «родство». И все же поразительно, что не существует отдельного слова, предназначенного для обозначения универсального опыта ребенка, вероятно, единственного опыта, присущего всем людям на земле. По сравнению с 127 миллионами упоминаний «материнства» и почти 25 миллионами упоминаний «отцовства» на просторах интернета имеется около 600 скудных упоминаний, связанных с этим словом-фантомом — *hijidad*.

Не вдаваясь в лингвистические подробности, давайте подумаем, что значит быть ребенком? В чем заключается этот опыт? Какую идентичность он нам дает? Да, мы все являемся чьими-то детьми, но разве это

¹ Неологизм, образованный от испанского слова *hijo* (ребенок) и суффикса *-dad* (-ство, -ость). Автор использует это слово, чтобы как-то охарактеризовать опыт всех детей, маленьких и взрослых, с акцентом на его психологической и социальной составляющей. На русский язык, за неимением других терминов, можно перевести как «сыновство» или «дочеринство» в зависимости от контекста.

состояние не содержит в себе некоего автономного значения, достаточно важного, чтобы рассматривать его как отдельную реальность?

Мир населен фантастическими, идеальными (что бы это ни означало), подавляющими, великодушными, зловещими, самоотверженными и любящими матерями. Плохими, бесчеловечными, токсичными, симбиотическими, нарциссическими, приносящими себя в жертву. Контролирующими, всепоглощающими, манипулирующими, ревнивыми, чрезмерно опекающими. Некоторые материнские типы имеют по-настоящему креативные названия, например мать-звезда¹ или мать-вертолет². Существует даже ужасный тип мать-холодильник. Этот странный термин был придуман австрийским психоаналитиком Бруно Беттельгеймом³, который еще в шестидесятые годы считал, что в детском аутизме виновны нелюбящие матери (для их описания он применял сомнительную игру слов: Беттельгейм называл таких матерей не очень «теплыми», отсюда и слово «холодильник»). Несмотря на то что в семидесятые годы эта извращенная теория была опровергнута, она по-прежнему присутствует в общем нарративе и является еще одним неопровержимым доказательством

¹ Мать-звезда занимает высокое общественное положение и требует от дочери соответствия ее статусу.

² Мать-вертолет чрезмерно вовлечена в жизнь ребенка, слишком его опекает, вмешивается в его дела и принимает за него решения.

³ Бруно покончил с собой в 1990 году. После его смерти всплыли обвинения в плагиате, фальсификации документов и сексуальном насилии над пациентами... Он до сих пор считается одним из самых влиятельных психологов и психиатров XX века. — *Прим. автора.*

Впервые этот термин использовал Лео Каннер: в своих статьях 1943 и 1949 годов он обратил внимание на холодность и отстраненность родителей детей с аутизмом (вероятно, их «замороженность» была попыткой убежать от реальности). Беттельгейм был тем, кто развил и популяризировал эту идею. — *Прим. ред.*

существования механизмов, способствующих дискредитации и обвинению материнской фигуры.

Если задуматься о фигуре отца, то категорий, входящих на ум, обычно меньше и они не так проработаны: замечательные, отсутствующие, потакающие и авторитарные отцы; небрежные и измотанные.

А еще есть дети. Хорошие и плохие. Каин и Авель.

Учитывая, что во всем мире почти восемь миллиардов детей, эта классификация представляется скудной и скудной.

Упрощение, которое влияет на саму природу сыновства или дочеринства. Если быть матерью или отцом невероятно сложно, то быть ребенком, кажется, довольно легко и удобно¹. По крайней мере, именно это нам вбили в голову. Возможно, настало время развенчать этот миф².

Сыновство и дочеринство, если оставить в стороне их обязательный характер (быть ребенком — это императив), обозначают что угодно, но только не взрослое состояние (по крайней мере, в начале). И право на это состояние отстает у ребенка, не имеющим под рукой нужных инструментов. Он часто сталкивается с неврозом взрослых, последствия которого ему удастся стереть, при хорошем стечении обстоятельств, лишь на консультациях психолога. И может быть, в этом и заключается главная задача сына или дочери: приручить семейные травмы (если таковые имелись), чтобы предотвратить их передачу из поколения в поколение. Наши родители тоже когда-то были детьми и, вероятно, тоже несут на себе груз определенных сомнительных

¹ Мы, безусловно, говорим о тех случаях, в которых отсутствует жестокое обращение и насилие над детьми. — *Прим. автора.*

² Даже Disney осмелился сделать это в фильме «Я краснею» режиссера Доми Ши, где исследуется (и не в самой безобидной манере) борьба между матерями, которые хотят все контролировать, и дочерьми, желающими быть свободными. — *Прим. автора.*

традиций воспитания, которые, в свою очередь, достались им от предыдущего поколения. И так может продолжаться до бесконечности...

В 1962 году бесстрашный Олдос Хаксли рискнул затронуть столь непоколебимую тему в романе «Остров» [5]. В этой утопии писатель без лишних церемоний подвергает сомнению институт семьи, опираясь на опыт ребенка, и разрушает все окружающие его условности. Хаксли без колебаний описывает наш тип семьи как замкнутый, ограниченный и принудительный. Это тюрьма, управляемая лишь одной группой тюремщиков (родителями), из которой заключенным (детям) при удачном стечении обстоятельств удастся выбраться более или менее невредимыми лишь при условии, что их тюремщики были мудры и добры. Но такими качествами обладают не все: по словам писателя, среди тюремщиков есть глупые, легкомысленные или откровенно злобные люди. Для подобных случаев он предлагает создать Клубы Взаимного Усыновления, систему, которая позволяла бы ребенку перейти в другую семью, если пребывание в родном доме становилось совершенно невыносимым. Выбор.

Таким образом, семьи могли стать крупными, открытыми, инклюзивными и, что самое важное, добровольными институтами. Хаксли, который абсолютно не боялся пошатнуть основы нашей цивилизации, посягал даже на святая святых, ставя под сомнение роль матерей. «Мать — это, строго говоря, наименование функции. Когда функция исчерпана, наименование теряет свой смысл; между выросшим ребенком и женщиной, которая именовалась “матерью”, складываются новые отношения. При наличии общего языка эти двое видятся постоянно. В противном случае — расстаются. Никто не ждет, что они будут вместе. Быть вместе еще не значит любить друг друга или доверять друг другу... Подобное поведение не считается чем-то в особен-

ности достойным похвалы» [5]. В своем тексте Хаксли озвучивает две главные проблемы, оказывающие влияние на отношения матери и ребенка, к которым мы вернемся позже: пагубная природа малых семейных ячеек, в которых весь труд ложится на плечи исключительно двух родителей (а на практике, по крайней мере в нашем обществе, и вовсе на одного — мать), и сложность выстраивания отношений «мать — дочь» с течением лет.

Из всего этого, как утверждает клинический психолог Оливер Джеймс в «Они испортили мне жизнь: как выжить в семье»¹ [6], вытекает необходимость понять, как нас воспитывали родители, и попытаться сделать это, исходя из нашего травмированного и игнорируемого статуса — в данном случае статуса дочерей. Но не из-за жажды мести, не из-за ревизионистского и, возможно, ошибочного импульса, и тем более не из-за желания обвинить или остаться в этом состоянии, рискуя не взять ответственность за собственную жизнь. Нет. В конце концов, как справедливо отмечает Джеймс, важно не упускать из виду следующее: да, ваши родители, возможно, испортили вам жизнь, но и им ее в свое время тоже изрядно подпортили. Правда в том, что «родители живут в нас» [6] — нравится нам это или нет.

И чаще всего влияние матери наиболее заметно. Причины, опять же, до обидного очевидны. Во-первых, если говорить об *испорченной* жизни, используя термин Джеймса, нас, женщин, в этом никто не может превзойти. А во-вторых, на плечи матерей ложилась — и продолжает ложиться — самая большая эмоциональная

¹ В книге скандального Оливера Джеймса некоторые места довольно спорные, но другие — весьма показательны. Работа представляет интерес для тех, кто задается вопросом, что, черт возьми, случилось, и тех, кто не хочет, чтобы их потомки задавали себе этот неприятный вопрос в будущем. Рекомендуется к прочтению тем, кто в дискуссии «природа против воспитания» без колебаний выбирает второй вариант. — *Прим. автора.*

нагрузка (умственную нагрузку мы, к сожалению, воспринимаем как что-то само собой разумеющееся) в ходе воспитания детей. Это называется культурой проявления заботы, которая, судя по всему, ассоциируется с женским полом и из которой и проистекает привязанность со всеми вытекающими последствиями.

Простирающаяся на километр стена плача, к которой возвращаешься снова и снова, пытаешься найти виновных, свести счеты или вынести обвинительный приговор. По словам литературного критика Жаклин Роуз, материнство превратилось в «главного козла отпущения, обвиняемого в наших личных и политических неудачах, во всем плохом, что есть в этом мире», и, наконец, оно виновно «как во всех пороках мира, так и в гнев, который идет рука об руку с неизбежным разочарованием в жизни» [7].

Традиционно матери несут бремя недооцененной заботы о семье, и, если что-то пойдет не так (а это обязательно произойдет), вы знаете, в какой кабинет обращаться для жалоб. Поскольку наши первые желания всегда связаны с фигурой матери, значит, более чем логично, что именно с ней будет связано и наше разочарование. Подвох кроется здесь, как и в случае некоторых контрактов, в мелком шрифте. Патриархальная культура негласно превратила биологическую задачу (быть матерью) в социальную обязанность, выполняемую исключительно женщинами и, что еще хуже, абсолютно недооцененную. Слияние природы и культуры, в котором, кажется, непросто разобраться. И под влиянием этого тяжелого культурного конструкта формируется труднопреодолимая амбивалентность, которая с удивительной легкостью колеблется между любовью и ненавистью. И поскольку, чтобы понять настоящее, иногда нужно взглянуть в прошлое, я приведу фрагмент, который мог бы показаться комичным, если бы не был столь жутким:

В начале 40-х годов Рене Шпиц¹ выявил «психотоксические заболевания у детей», в которых «личность матери выступает в качестве фактора, провоцирующего заболевания». По словам ученого, такая материнская установка, как «первичная тревожная гиперопека», является причиной колик на третьем месяце; «враждебность в форме тревоги» — причиной младенческой экземы; «колебание между лаской и враждебностью» — причиной постоянного и интенсивного раскачивания на четвереньках; «циклические смены настроения матери» становятся причиной игр с фекалиями и копрофагии², а «сознательно компенсированная материнская враждебность» провоцирует гипертимию³ у ребенка [8].

Ни одного детского заболевания без материнского влияния!

Но почему же материнство, которое, если задуматься, является — и по мнению многих авторов-женщин — биопсихологической привилегией, превратилось в своего рода библейское проклятье? Как то, что могло бы стать «признаком превосходства, превратилось в источник норм, требований, обязанностей и, как следствие, чувства вины и неполноценности, а также неуверенности» [7]? Более того, если размножение играло столь важную роль для выживания общества, почему женщины не стали царицами племени?

Возможно, подвох кроется в самой загадке, в самом таинстве материнства, которое, по мнению Симоны де

¹ Рене Арпад Шпиц — австро-американский психоаналитик и психиатр.

² Копрофагия — поедание живым существом собственных или чужих экскрементов.

³ Гипертимия у детей — это патологически повышенное настроение, немотивированное и беспредметное.

Научно-популярное издание / Танымал ғылыми басылым

Популярная психология для бизнеса и жизни

Бланка Лакаса Карралон

УЖАСНЫЕ ДОЧЕРИ

Руководитель направления *Ирина Мажеева*
Ответственный редактор *Арина Миронова*
Литературный редактор *Екатерина Волковская*
Дизайнер обложки *Михаил Левыкин*
Технический редактор *Мариятта Караматозян*
Корректоры *Ольга Ануфриева, Мария Топеха*
Верстка *Елена Зеленина*

В оформлении обложки использована иллюстрация,
сгенерированная на основе Midjourney.

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.03.2026.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 3000 экз. W-PBJ-38596-01-R. Заказ №

Иготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака Колибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – Колибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуу туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

